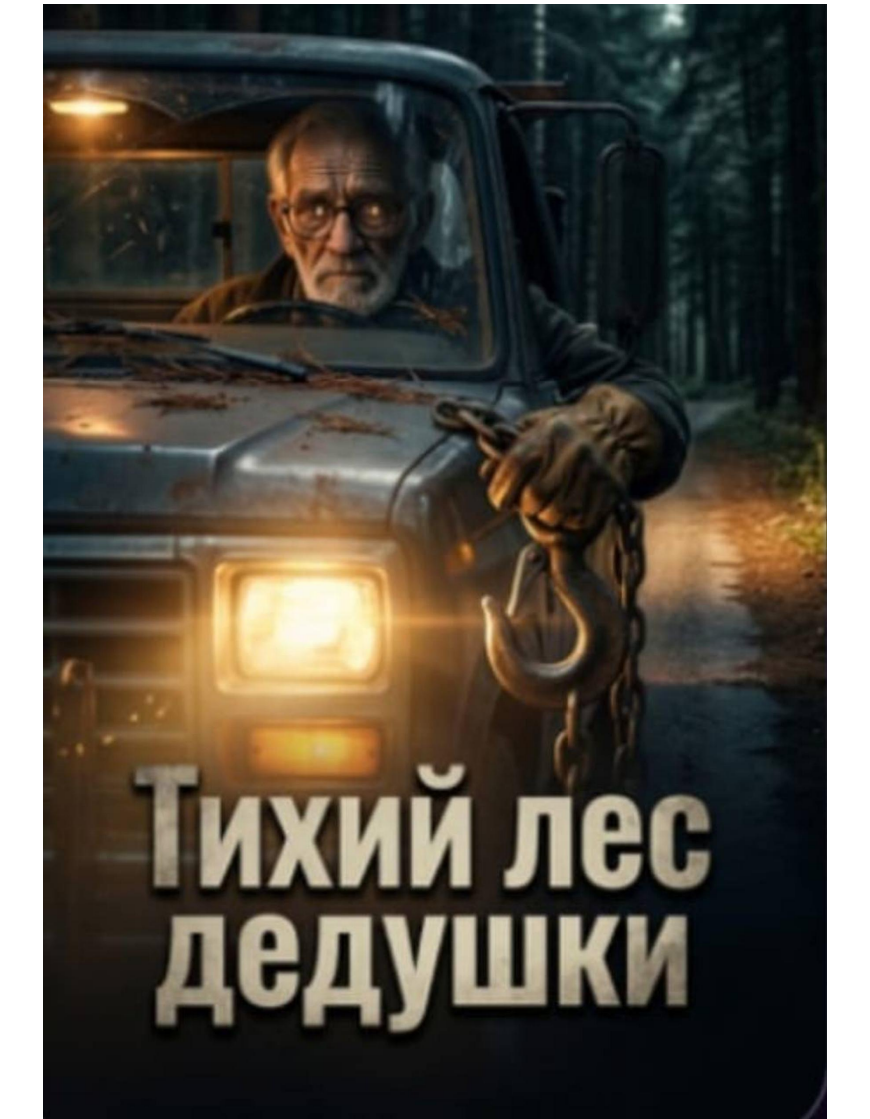

A cinematic still from a movie. An elderly man with a white beard and glasses is in the driver's seat of a dark, rusted truck. He is looking out the windshield with a serious expression. His right hand, wearing a heavy-duty work glove, is resting on a large metal hook attached to a chain on the side of the truck. The truck's headlights are on, casting a warm, yellow glow. The background is a dark, misty forest at night, with trees visible in the distance. The overall mood is mysterious and suspenseful.

Тихий лес дедушки

Юлия Смирнова

Тихий лес дедушки

<https://litres.ru/74373923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для всего поселка он был добрым дедушкой, который угощал детей медом и знал каждую тропинку. Для меня он был воплощением безопасности. Пока я не нашел под половицами его дома коллекцию человеческих зубов. Теперь я знаю, почему наш лес тихий. Он просто умеет хранить дедушкины секреты.

Содержание

Глава 1: Коллекция дедушки Матвея	4
Глава 2: Цена молчания	9
Глава 3: Мелкий шрифт	13
Глава 4: Железные челюсти	17
Глава 5: Мертвая петля	21
Глава 6: Живой товар	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юлия Смирнова

Тихий лес дедушки

Глава 1: Коллекция дедушки Матвея

Говорят, в настоящей глуши тишина успокаивает. Она давит. К ней нужно привыкнуть, как привыкают к запаху сырости в старых склепах.

Я заглушил мотор "Ауди", и салон мгновенно заполнил этот оглушительный, звенящий покой тайги. Несколько секунд я просто сидел, положив руки на руль, и слушал, как потрескивает остывающий металлический капот. За лобовым стеклом расстился иной мир. Мир, где не было уведомлений из рабочих чатов, созвонов в Зум и бесконечного гула петербургского проспекта. были только вековые корабельные сосны, подпирающие хмурое осеннее небо, и глухой забор дедушкиного дома.

Деревня Вершины встретила меня мертвым молчанием. Три жилых избы на самом отшибе района, разделенные километрами бурелома. Полная изоляция. То, что доктор прописал - мой психотерапевт настоятельно рекомендовал сменить обстановку после того, как я едва не словил паническую

атаку прямо посреди важной презентации в офисе. Выгорание, нервный срыв, увольнение - город высосал из меня все соки.

Дедушка матвей был единственным, кто не стал задавать вопросов." Приезжай, Артемка. Лес все вылечит. Лес дурную кровь любит забирать",- глухо сказал он тогда в трубку, и в его старческом голосе мне послышалась та самая безопасность, которой мне так не хватало. Внук всегда видит в деде защитника, и для меня, выросшего без отца, этот старик был абсолютным авторитетом.

Тяжелая дубовая дверь старого дома скрипнула. На крыльцо вышел дед. Высокий, широкоплечий, несмотря на свои семьдесят два года, он казался вытесанным из прочного дерева. На нем была выцветшая штормовка и тяжелые болотные сапоги. Его борода, тронутая сединой, была аккуратно подстрижена, а глаза - серые, удивительно ясные - смотрели на меня с такой теплотой, что у меня перехватило дыхание.

-Приехал-таки, внучок! - дед улыбнулся, и сетка глубоких морщин сделала его лицо невероятно добрым.-Ну, здорово!. Заноси вещи, я как раз чай на брусничном листе заварил.

В доме пахло детством: сушеными грибами, печным дымом и горьковатыми травами, пучки которых свисали с потолочных балок. Мы сидели за дубовым столом. дед суетился у плиты, подкладывая мне еду, расспрашивало дороге. Он умел слушать так, как никто другой - молча и сочувственно. В углу уютно потрескивали дрова в печи. Мне казалось, что

я наконец-то нашел свое убежище.

-Ты, Артемка, вглубь леса пока один не ходи,- как бы между прочим обронил дед, срезая ножом корку с буханки хлеба. Движения его рук были пугающе точными. - Осень в этом году ранняя, болота затянуло обманчиво. Ступишь на мох - и поминай как звали. Держись протоптанных троп. Целее будешь.

-Да куда я пойду , дед,-усмехнулся я,- Мне бы отоспаться дней пять.

Уже за полночь, когда дед ушел в свою комнату и за стеной раздалось его мерное сопение, я никак не мог уснуть. Тело ломило от усталости, но мозг отказывался отключаться. В комнате было слишком темно.

Я встал с кровати, чтобы дойти до стола, где оставил сигареты. Моя нога наступила на старый ковер, и под ним подозрительно мягко прогнулась половица. раздался глухой , едва слышный стук, словно под деревом перекатился какой-то мелкий предмет.

Сонная лень уступила место любопытству. Я включил фонарик на телефоне, опустился на колени и отодвинул край тяжелый край пыльного ковра. Старая широкая доска пола была неплотно пригнана к остальным. Я поддел ее пальцами - она поддалась без всякого скрипа, легко выйдя из пазов. Похоже, ее поднимали сотни раз.

Я посветил в открывшуюся темноту подпола, ожидая увидеть там мышеловку или старые дедовские записки.

Но луч света выхватил из темноты круглую жестяную коробку из-под советского печенья. Крышка была покрыта слоем пыли. Сердце почему-то застучало быстрее. Я протянул руку, достал теплую жестянку и медленно снял крышку.

Внутри коробка была забита до самых краев.

Я замер, чувствуя, как волоски на шее встают дыбом, а дыхание перехватывает от ледяного, липкого ужаса.

В коробке лежали человеческие зубы. Сотни человеческих зубов. Коренные с длинными искривленными корнями, ровные резцы, потемневшие от времени и совсем белые, со следами грубого, насильственного давления. Некоторые из них были вставлены в золотые коронки, на других виднелись бурые, засохшие пятна. Это была коллекция. Тщательно собранная, прямо под полом моей гостевой комнаты.

В этот момент половица в коридоре за спиной громко, отчетливо скрипнула.

Я похолодел. Медленно, боясь издать хоть звук, я повернул голову назад.

В дверном проеме, подсвеченный бледным лунным светом из окна, стоял дед Матвей. На нем была только белая нижняя рубаша, лицо тонуло в густой тени, но я физически почувствовал его тяжелый, немигающий взгляд. В руке он держал старый охотничий нож, которым всего несколько часов назад так ласково резал для меня хлеб.

- Не спится, Артемка? - тихо, почти шепотом спросил дед. Его голос больше не был добрым. Он звучал как шорох сухой

листвы.-А я ведь просил тебя...не суй нос куда не надо. Лес ведь чужаков не любит. И тех, кто его тайны ворует, тоже не прощает.

Дед сделал медленный шаг внутрь комнаты, и лезвие ножа тускло блеснуло в темноте.

Глава 2: Цена молчания

Лезвие ножа замерло в паре сантиметров от моего горла.

Я почувствовал, как от деда пахнет махоркой, печным дымом и ледяным ночным воздухом. В его серых глазах, всегда таких добрых и родных, сейчас не было ни капли безумия. Там была пугающая пустота. Спокойствие хищника, который точно знает, что добыче деваться некуда.

-Ну чего ты затрясся, внучок? - тихо, почти ласково спросил дед, не убирая сталь от моей кожи.-Своих испугался? Нехорошо.

Я судорожно сглотнул. Жестяная коробка с человеческими зубами, которую я так не выпустил из рук, казалась неподъемно тяжелой. Костяшки пальцев побелели.

-Дед...- мой голос превратился в сиплый, едва различимый шелест.- Кто это? Чьё это?

Старик медленно опустил нож, но отступать и не думал. Он присел на край моей кровати, тяжело опершись ладонями на колени. Старая рубаша на его плечах натянулась.

-Это сорняки, Артемка,- вздохнул он, и в его голос вернулась та самая привычная, дедушкина мягкость. От этого несоответствия слов и тона меня заколотило еще сильнее.- Лес - он ведь как огород. Если за ним не ухаживать, он крапивою да чертополохом зарастет. Городские приезжают, мусорят, зверье бьют ради забавы, землю нашу скупить хотят,

чтобы притоны свои строить . Я просто помогаю природе очиститься. Я санитар.

Он перевел взгляд на жестянку в моих руках.

-А зубы...это память. Земля тела быстро пережевывает, а косточки остаются. Я их забираю, чтобы лес чистым был. Чтобы тебе , дураку, было куда из твоего поганого Питера вернуться, воздухом чистым дышать. Я ведь для тебя этот край храню. Для семьи.

Я смотрел на него и понимал, что человек, который меня вырастил, мертв. предо мной сидело чудовище, сотворившее собственную, страшную религию из одиночества и тайги.

Дед Матвей поднялся, подошел ко мне вплотную и аккуратно забрал из моих онемевших пальцев коробку. Опустил ее обратно под половицу и прижал доску ногой.

-Ладно. Спать ложись. На дворе колотун, а ты в одних трусах стоишь,- дед похлопал меня по плечу. -Завтра в Лыково поедешь, в сельмаг. купишь соли крупной, мешка три. Мясо солить надо к зиме. Много мяса, Артемка. Поможешь деду. Мы же одна кровь.

Он повернулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Я рухнул на кровать. Сбежать прямо сейчас, ночью через окно? Машина во дворе, но ключи на кухне. К тому же, едва заведется мотор, дед выйдет на крыльцо со своей двустволкой. Нужно ждать утра. Сделать вид, что я со всем согласен, доехать до Лыково, где есть связь, и сдать его властям. Главное-продержаться.

Утро наступило внезапно. На кухне дед, насвистывая, жарил яичницу. Все выглядело так, будто ночной кошмар мне просто приснился. Я заставил себя съесть завтрак, взял у деда деньги и сел в машину.

Через сорок минут разбитая грунтовка вывела меня к Лыково. Тормознув у деревянного здания сельмага, я первым делом схватил телефон. Экран ожил, поймав слабую сеть. Пальцы судорожно набрали "112". Пошли длинные гудки. На третьем трубку сняли.

-Дежурный, слушаю вас.

-Мне нужна помощь!- выдохнул я, оглядываясь на окна магазина.- В деревне Вершины...мой дед, Матвей Кохов...он убивает людей. У него под полом коробка с человеческими зубами! Приезжайте скорее!

-Мужчина, не паникуйте. Где вы сейчас?- голос дежурного был строгим.

-Я в Лыково, у сельмага. Я...

Договорить я не успел. Боковое стекло моей "Ауди" вдруг звякнуло. Я резко повернул голову и обомлел.

У двери машины стоял дед Матвей.

На нем была все та же штормовка. Он мягко улыбался, но в руке держал тяжелый обух топора, которым только что аккуратно постучал по моему стеклу. Как он тут оказался? Я ехал по единственной дороге на машине, но дед знал лесные тропы и срезал путь через чащу напрямую, на старом мотоцикле, который теперь стоял за углом магазина.

Дед протянул руку , легко забрал у меня из ладони телефон и нажал кнопку отбоя.

-Забыл предупредить тебя, Артемка,- негромко, с прежней отеческой заботой сказал он, убирая мой мобильник в свой глубокий карман.-Соль то в сельмаге подорожала. На вот, держи еще тысячу рублей. Иди, покупай. Я на улице подожду. Нам ведь еще припасы в ледник укладывать.

Глава 3: Мелкий шрифт

Внутри сельмага пахло стиральным порошком, дешевым табаком и черствым хлебом. За прилавком, подперев щеку кулаком, скучала полная женщина в засаленном синем фартуке. Я зашел, тяжело дыша, и краем глаза заметил сквозь мутное оконное стекло силуэт деда. Он остался на улице, присел на свой старый мотоцикл "Урал" и неторопливо закурил махорку. Он не спускал глаз со стеклянной двери.

Капкан захлопнулся. Назад дороги нет.

-Мне...три мешка крупной соли,-голос прозвучал чужой, сиплый. Я выложил на прилавок помятые дедовские купюры.

-Сейчас оформлю, парень. Погоди, со склада приволоку,-лениво отозвалась продавщица.

Как только она скрылась за брезентовой шторой подсобки, я судорожно огляделся. На прилавке, прямо возле кассового аппарата, лежала синяя шариковая ручка и стопка нарезанных листочков для записок. Руки тряслись так, что я едва не смахнул их на пол. Я схватил ручку. Снаружи дед Матвей медленно выпустил изо рта струю сизого дыма.

Я присел пониже, прячась за стойкой, и быстро, царапая бумагу до дыр, написал: " Я Артем Кохов. В Вершинах мой дед Матвей - маньяк. У него под полом зубы убитых людей. Позвоните в полицию, у меня отобрали телефон! Спасите".

Штора зашуршала. Я быстро скомкал записку в кулаке, чувствуя, как ладонь покрылась ледяным потом. Продавщица выкатила на тележке первый тяжелый холщовый мешок.

- На своей телеге приехал или Матвей подбросил? - спросила она, вытирая лоб.

- На своей...- я попытался улыбнуться, но лицо превратилось в судорожную маску.-Знаете, а вы не могли бы...дать мне сдачу мелкими купюрами?

Я протянул ей руку с зажатыми деньгами, надеясь тайно вложить записку ей в ладонь. Сердце колотилось в самые уши. Женщина потянулась к моим пальцам, как вдруг над нашими головами оглушительно залился звоночек на входной двери.

Холодный воздух с улицы ворвался в душное помещение сельмага.

-Здорово, Петровна!- густой, добродушный баритон деда Матвея заставил меня подпрыгнуть на месте.

Он вошел неспешно, тяжело стуча болотными сапогами по половицам. Снял засаленную кепку, вежливо кивнул женщине. В его руках не было топора, но штормовка по-прежнему топорщилась от спрятанного в глубоком кармане ножа.

-Ой, Матвеич! И тебе не хворать,- расплылась в улыбке продавщица, мгновенно забыв про мою сдачу. - Давно не заглядывал. Все в лесу своем пропадаешь?

-Да дел к зиме невпроворот, Петровна,- ласково улыбнулся дед, подходя ближе и кладя свою огромную ладонь мне на

плечо. Пальца сжались чуть сильнее, чем нужно, пригвоздив меня к полу.- Вот , внучок, из города приехал на детокс, помогать вызвался. Да только слабенькие они там, в Питере-то. Мешок соли поднять не может, бледный весь. Давай-ка я сам до машины дотащу.

Я стоял между ними, чувствуя себя безвольной куклой. Моя правая рука по-прежнему сжимала скомканную записку в кармане куртки. Я упустил единственный шанс.

Дед легко, словно это был мешок с пухом, закинул соль на плечо и повернулся ко мне. В его серых глазах промелькнула холодна, предупреждающая искра.

-Артемка, бери деньги, иди заводи мотор. Нечего Петровну отвлекать.

Я молча кивнул, забрал сдачу и вышел на крыльцо. Ледяной осенний воздух обжег легкие. На стоянке работала моя "Ауди", из выхлопной трубы шел белый пар. Свобода была в одном шаге - прыгнуть за руль , заблокировать двери изнутри и рвануть по трассе. Но я знал: дед на своем "Урале" с люлькой знает все лесные просеки, которые срезают петли шоссе. Он перехватит меня на первом же повороте. На глухой дороге, где нет камер и свидетелей, моя машина просто улетит в кювет, а телефон, который лежал в его кармане, навсегда исчезнет в Чертовом болоте.

Пока дед перетаскивал оставшиеся мешки в багажник моей машины, я уныло побрел к водительскому сиденью. Мой взгляд упал на доску объявлений у входа в сельмаг.

Среди листочков о продаже тракторов, объявлений о сборе брусники и графиков приезда автолавки висел старый, потрепанный листок формата А4. Текст был набран мелким шрифтом, а сверху красовалась размытая черно-белая фотография молодого парня с рюкзаком.

"ВНИМАНИЕ! Пропал человек. Васильев Денис, 2002 г.р. Ушел в одиночный пеший поход по маршруту Лыково-Вершины 2 недели назад. Последний раз его видели на окраине лесного массива... Особые приметы: на верхней челюсти слева установлен золотой имплант-коронка..."

У меня перед глазами вспыхнула ночная сцена: жестяная коробка из-под советского печенья, сотни зубов и среди них - один. Золотой зуб, который тускло поблескивал в свете фонарика моего телефона.

- Ну чего застыл, внучок? -раздался прямо над ухом голос деда. Он подошел со спины абсолютно бесшумно. Его лицо было в паре сантиметров от моего.-Картинки разглядываешь? Нечего тут смотреть. Поехали домой. У нас сегодня большая работа. Будем капканы на дальнем кордоне проверять.

Глава 4: Железные челюсти

Дорога назад прошла в гробовом молчании. Дед сидел на пассажирском сиденье моей "Ауди", положив на колени старый топор в брезентовом чехле, и отрешенно смотрел на мелькающие за стеклом сосны. Я вжимался в руль, чувствуя, как мешки с солью в багажнике глухо бьются на каждой кочке. Три мешка соли. Триста километров до Питера. И бесконечный, глухой забор тайги, отрезавший меня от цивилизации.

Как только мы припарковались во дворе, дед даже не дал мне внести вещи в дом.

-Соль пусть в багажнике полежит, Артемка. До вечера не растает,-дед накинул свою потрепанную штормовку и резким движением перебросил через плечо кожаный ремень двустволки.-Бери второй рюкзак в сених. И топор полегче прихвати. Пора капканы на дальнем кордоне проверить. Скоро стемнеет.

у меня подкосились ноги. Идти в самую чащу с серийным убийцей, зная, что никто в мире не представляет, где я нахожусь? Но отказ означал бы мгновенный финал прямо здесь, на глазах у редких, глухих соседей.

-Хорошо, дед. Сейчас,- я заставил свой голос звучать покладисто.

Мы вышли за калитку. Стоило отойти от забора на пятьде-

сят метров, как дом скрылся за сплошной стеной бурелома. Здесь, пологом вековых елей, было темно и сыро. Мох под ногами хлюпал, впитывая следы моих городских кроссовок. Дед шел впереди. Несмотря на возраст, он двигался пугающе быстро и бесшумно, едва раздвигая ветки руками. Временами он останавливался, принюхивался к воздуху, словно пёс, и удовлетворенно кивал.

-Лес сегодня добрый,-не оборачиваясь, бросил старик. Его голос эхом разносился между стволами.- Чуешь, как пахнет? Чистота. Никакого бензина, никакого вашего городского смрада. Здесь все по закону, Артемка. Сильный ест слабого, глупый кормит умного.

-Дед...а зачем ты...зубы забираешь?- я рискнул задать вопрос. Мне нужно было понять, насколько глубоко зашла его болезнь.

-Земля скрывает мясо и одежду, внучок. За пару лет от человека ничего не остается- черви да мох своё дело знают. А зубы...зубы-это как камни. Оскол человеческий. Сила его, которой он природу подчинить хотел. Когда я их забираю, я лишаю их силы. Оставляю лесу только чистую плоть, без их гордыни. Это честно. Лес дает мне жизнь, я плачу ему порядком.

Он развернулся и пошел дальше. Через час пути мы вышли к глубокому, сырому оврагу, заваленному сухими ветками. Пахло прелой листвой и чем-то металлическим. Де остановился и указал рукой вниз, на дно оврага.

-Вот и первый. Гляди внимательно, как надо работать.

Он подошел к краю и замер. Привязанный толстым стальным тросом к основанию старой березы, внизу лежал огромный, ржавый медвежий капкан. Его массивные дуги с треугольными зубьями были взведены и замерли в чудовищном ожидании. Конструкция выглядела древней, сделанной вручную в деревенской кузнице. Челюсти этого монстра могли с легкостью перебить кость взрослому мужчине.

Капкан был пуст, но земля вокруг него была глубоко изрыта, словно кто-то отчаянно бился здесь в агонии.

-Сюда я приманку кладу,- дед Матвей присел на корточки у края оврага, любовно разглядывая железные зубья.- Городские - они же как слепые котята. Увидят на дереве ленту яркую или знак охотничий, что я специально вешаю, и прут посмотреть. Думают, тут аттракцион. Туристы, фотографы... Ступают в овраг - и хрусь. Лес поймал.

Старик поднял с земли толстую еловую ветку и резко бросил ее прямо в центр стального круга.

ХЛАП!

Звук захлопнувшегося железа прозвучал как выстрел. Тяжелые зубья с такой силой сжали древесину, что сухая ветка мгновенно разлетелась на щепки, а трос на березе натянулся со звоном. У меня по спине побежал ледяной пот. если бы на месте этой ветки была моя нога, я бы остался в этом овраге навсегда.

-Ну чего стоишь , как неродной? - дед Матвей поднялся

и вытащил из кармана штормовки железный рычаг для взведения пружин .- Спускайся давай. Помогай взводить. Будем учиться. К нам на следующей неделе, Петровна говорила, новые гости собираются - какие-то коммерсанты из области хотят просеку под кабель осматривать. Надо встретить как положено. Уважить лесные законы.

Он протянул мне рычаг, и его взгляд в упор уставился в мои глаза. Он испытывал меня. Проверял, сломаюсь я прямо сейчас или стану частью его кошмара.

Я посмотрел на тяжелое железо в его руке, затем на пустой овраг, и понял: если я сейчас не сделаю вид, что я с ним, этот капкан захлопнется на мне.

Глава 5: Мертвая петля

Холод от железного рычага мгновенно передался моим пальцам. Металл был шершавым, покрытым вьевшимся машинным маслом и старой ржавчиной.

-Ну же, Артемка,- поторопил дед, и в его голосе промелькнула едва заметная, опасная нотка нетерпения. - Солнце садится. Лес не любит, когда сумерки застают человека без дела.

- Сейчас, дед...- я заставил себя выдавить подобие покорной улыбки. Руки ходили ходуном, но я изо всех сил прижал рычаг к груди, чтобы скрыть дрожь.-Просто... непривычно это все. В городе ведь как : мясо в супермаркетах, проблемы в чатах. А тут все...по-настоящему.

Лицо старика разгладилось. Эта жуткая маска отеческой любви снова вернулась на его иссеченную морщинами кожу.

-Вот! - одобрительно прогудел он, хлопая меня по плечу так, что у меня хрустнули позвонки.- Правильные слова говоришь , внучок. Город из вас, мужиков, всю душу вытряхивает. Делает слизняками. А здесь ты хозяин. Давай, спускайся.

Я аккуратно сполз по сырому склону оврага. Ноги скользили по мокрой хвое. Запах прели и железа здесь, внизу, казался удушающим.

Дед опустился на корточки рядом. Нам обоим пришлось

навалиться весом, чтобы вставить рычаг в паз и начать медленно, скрежеща металлом, сжимать мощную пружину капкана. Суставы старика хрустели в такт механизму, но силы в его руках было больше, чем во мне.

Я давил на рычаг, чувствуя, как пот заливает глаза. Чудовищные треугольные зубья медленно расходились в стороны, открывая ржавую пасть.

" Я делаю это, чтобы выжить,- как заклинание повторял я про себя.- Я просто ему подыграю. Дойдем до дома, он уснет, и я что-нибудь придумаю"

-Держи фиксатор,- скомандовал дед.

Я протянул руку к маленькому металлическому язычку, который должен был удерживать челюсти взведенными. Мои пальцы оказались в каких-то сантиметрах от зубьев. Одно неловкое движение, один соскок рычага - и мои кости превратятся в месиво. Я затаил дыхание и аккуратно завел петлю под спусковой блин.

-Готово,- выдохнул я, отдергивая руки назад и вытирая ладони о джинсы.

Капкан снова замер в зловещем ожидании, прикрытый сверху тонким слоем свежего мха, который дед набросал с пугающей аккуратностью художника. Сверху овраг казался абсолютно невинным. Обычная яма, засыпанная листьями.

-Хорошая работа, Артемка,- Матвей поднялся, тяжело дыша, и спрятал рычаг обратно в карман штормовки.- Кровь у тебя правильная. Наша, Коховская. Отец твой тюфяком

был, городского комфорта искал, потому и сгорел рано. А в тебе стержень есть.

Он повернулся и пошел обратно в сторону дома. На нас стремительно опускались синие лесные сумерки. Деревья вытягивали свои тени, превращая просеку в бесконечный мрачный коридор.

Я шел следом, стараясь ступать точно в глубокие следы его болотных сапог. В кармане куртки мои пальцы наткнулись на скомканную записку, которую я так и не смог отдать продавщице в сельмаге. Я вытащил ее, незаметно для деда разорвал на мелкие клочки и бросил в густой мох. Спасения из вне не будет. Никто не приедет.

Когда мы наконец вышли к забору дедушкиного дома, на небе уже высыпали холодные, колючие звезды. Из трубы избы лениво шел дымок. Дом казался уютным, теплым, но теперь я знал, что этот уют - всего лишь приманка. Такая же, как яркая лента на дереве над медвежьим капканом.

-Ты иди в дом, Артемка, растопи печь сильнее,-дед остановился у калитки и кивнул в сторону старого бревенчатого ледника.- А я пойду припасы проверю. Надо соль занести, да посмотреть, как там...наш прошлый урожай держится. Мороз-то крепчает.

Он вытащил из кармана связку ключей. Бледный свет луны отразился на новенькой дужке амбарного замка.

Я замер на крыльце, провожая его взглядом. Дед подошел к леднику, вставил ключ в скважину, и в этот момент из

глубины двора, со стороны темных хозяйственных построек, раздался отчетливый, глухой стук.

Словно кто-то внутри ледника... сильно ударил изнутри по деревянной крышке погреба.

Дед замер с ключом в руке. Я похолодел. Прошлый "урожай", о котором говорил дед, не мог двигаться. Или кто-то еще в этом лесу прямо сейчас, пытался выбраться на свободу?

Глава 6: Живой товар

Звук повторился. Глухой, отчаянный удар дерева о дерево, за которым последовал едва слышный, задушенный человеческий хрип. Он шел напрямиком из-под массивной двери ледника.

Я почувствовал, как сердце рухнуло куда-то в пятки. В голове зашумело. Живой. Тот парень, Денис Васильев из объявления в сельмаге, или кто-то другой - дед не убил его на месте. Челюсти капкана только ломали кости, лишая возможности бежать, а дальше старик привозил их сюда.

Дед Матвей медленно повернул голову. Ключ так и остался торчать в скважине амбарного замка. В бледном лунном свете лицо деда казалось высеченным из серого гранита. Он не выглядел испуганным или застигнутым врасплох. Напротив-на его губах снова появилась эта жуткая, понимающая усмешка.

-Вот ведь упрямый городской элемент,- тихо, качая головой, пробормотал дед- Все никак не успокоится. Три дня уже там сидит, а гонору-то,гонору...

Он повернулся ко мне и поманил пальцем.

-Ну чего стоишь, Артемка? Иди сюда. Пора тебе до конца семейное дело разуместь. Городской думает, что смерть - это раз и готово. А в лесу все иначе. В лесу припасы портить нельзя. Кровь должна остывать медленно.

Я шел к леднику как на казнь. Каждый шаг давался с трудом, словно ноги налились свинцом. Дед с тихим щелчком повернул ключ, сдернул замок с петли и резко потянул дубовую дверь на себя.

Из темноты погреба снова ударил этот сладковатый, гниlostный запах, смешанный с запахом сырой земли и ...свежей крови. Дед первым шагнул на скользкие ступени, я потянулся за ним, зажав рот ладонью, чтобы меня не вывернуло на изнанку.

Свет дедушкиного фонаря разрезал тьму подпола. Он скользнул мимо банок с брусничным вареньем, мимо бочек с капустой и уперся в дальний угол ямы для льда.

Там, прямо на серой, испачканной соломе, сидел человек. Эт был молодой парень, тот самый Денис . Но от холеного туриста, шедшего в пеший поход, почти ничего не осталось. Его лицо превратилось в серую, исхудавшую маску, обтянутую грязной кожей, губы потрескались до крови. Но самым страшным было не это. Его правая нога понизу была туго перемотана грязными, пропитавшимися бурой юшкой тряпками, а цепь от ржавого медвежьего капкана, намертво вбитого в земляную стену погреба, крепко держала его лодыжку.

Парень шурился от яркого света, его трясло от дикого холода. Заметив меня, он попытался двинуться вперед, хрипя сквозь запекшуюся кровь на губах:

-По...пожалуйста...помоги...он сумасшедший...

-Цыц, сорняк,- беззлобно, словно на надоедливую муху,

прикрикнул дед. Он обернулся ко мне, и в его глазах светилась пугающая практичность деревенского хозяина.- Видишь, Артемка? Запомни: если зверя или человека сразу пришибить - мясо в тепле быстро портится, тухнет. А у нас морозы только через неделю встанут. Вот я их тут и держу. На леднике. Водички даю по чуть-чуть, чтоб кровь бегала. А как холода ударят - тогда и за дело. И чистить легче, и припасы к зиме свежие.

Дед подошел к мешкам с солью, которые мы привезли, и один из них ловко бросил прямо к ногам хрипящего парня. Холщовая ткань глухо шурхнула по соломе.

-Вот для чего соль-то нужна была, внучок. Теперь понимаешь? Доставай топор , Артемка. Будем первый урожай собирать. Вместе. Ты же у меня парень смысленный, городской, а в городе, небось, за такую работу и не платили никогда.

Дед Матвей протянул мне руку, помогая подняться обратно к выходу, а в другой его руке тускло блеснуло лезвие охотничьего ножа. Парень в яме закричал - тихо, сорванным , безжизненным голосом, понимая, что его время истекло.

А дед смотрел на меня, ожидая, когда я сделаю свой окончательный выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.